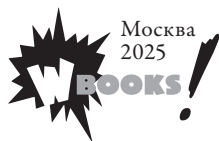

НОВЕЛЛИЗАЦИЯ
АННЫ КАРАКОВОЙ

БАБА
ЯГА
СПАСАЕТ МИР

Копирование, тиражирование и распространение материалов,
содержащихся в книге, допускается
только с письменного разрешения правообладателей.

ПРОЛОГ

Давным-давно это было... Далеко-далёко. За морем-океаном, островом Буяном. Посреди болот поганых да лесов дремучих. Гор окаянных да пещер ледяных. На окраине Тридевятого Царства, сказочного государства. На поле брани, где испокон веков воздвигнута твердыня между двумя мирами: волшебным и человеческим.

Встретились на поле брани Иван-царевич и Бесмертный Кощей...

Ну как «встретились»? На самом деле Иван улётывал от Кощея со всех ног. И не своих даже, а лошадиных. Конь под ним хрипел и мчал из последних сил. С его морды летела пена, глаза были выпучены, а грива стояла дыбом. Будь его воля, упал бы в траву, там бы и лежал. Да не мог — себе на погибель.

В хвост царскому коню дышал ледяным ужасом огромный чёрный зверь. Не понять: то ли тигра заморская, то ли лютый крокодил. За ним волочилось как приклеенное косматое облако — страшное до жути. Оно то разрасталось могучей тучей до самого горизонта, то сжималось в клубок шипящих змей, то оборачивалось глянцевым плащом, бешено пляшущим на ветру, убивающим всё живое. И тогда можно было различить всадника на чуде.

Кощей был закован в железо по самую макушку. В прорезях шлема горели красным два глаза — как раскалённые головёшки. Злодей тянул вперёд костлявую руку, тыча в спину Царевича кривым указующим перстом, от которого во все стороны летели искры и молнии.

Иван, не оглядываясь, пришпоривал коня. Он понимал — дело худо. Без чуда не обойтись. «Кабы помогла мне моя любезная... Но, видать, сомлела она, — сокрушался Иван. — От жары да от скачки этой бешеной». Он даже не мог поправить берестяную торбу, притороченную к седлу, потому что обе его руки были заняты: правой Царевич цепко держал уздечку, а левой — сизую утку, заполошно бьющую крыльями.

Молнии втыкались в землю справа и слева, подпаливая сухую траву, оставляя выжженные пятна. «А Кощейю тоже не сладко, — догадался Иван. — Вишь, окосел!» Сердце радостно всколыхнулось: «Не всё, не всё ещё потеряно! Справимся с тобою, злыдень проклятый!»

Но рано Царевич обрадовался. Его конь вдруг взвился на дыбы, ужаленный молнией, и грохнулся оземь. Иван кубарем покатился в одну сторону, торба — в другую, а утка вырвалась из руки и, суматошно захлопав крыльями, улетела.

Оглохший от падения Иван-царевич лежал, раскинув руки, и смотрел в небо. Не видел, как из торбы высунулась Лягушка-Царевна в короне набекрень, покрутила головой туда-сюда и спряталась снова. Не видел, что Кощей затормозил и спешился. Видел только тёмное облако, которое расплзлось на полнеба. Солнце померкло. Тьма сгустилась со всех сторон. Лишь тусклый луч зыбкого света перечёркивал небесную твердь широкой полосой.

Вдруг откуда ни возьмись появилась деревянная кадушка, в которой на зиму грузди с укропом солят. Только вместо гриба в ступе сидела Бабка Яга. С громким по-свистом — куда там Соловью-разбойничку — она ловко рулила метлой, уклоняясь от хищных щупальцев мрака.

— Иван, лови! — прокричала Яга сверху.

На Царевича посыпались утиные перья — словно кто-то перину вспорол. А потом упало яйцо — больше куриного, меньше гусиного. Обычное яйцо. Странно, что не разбилось.

Иван вскочил, крепко сжимая яйцо обеими руками.

— Отдай! Моё-ё-ё! Не трожь! Не смей! — прорычал Кощей.

Он как будто ослаб. Или у него под тяжестью кованых лат ноги подкосились? Царевич не стал время зря терять. Подхватил торбу с царской невестой — и бежать! Кощей — за ним. Странно: ноги злыдены переставляет с трудом, а догоняет! Куда Царевичу деваться?

Вдруг с неба донёсся голос Бабы Яги:

— Прячься за твердыню, Иван! За твердыню! Прячься!

Тычет Яга метлой в воздух... И вдруг видит Царевич: не воздух это, а какая-то субстанция. Типа занавеска. Царевич — шась туда! И затаился. Смотрит: что же будет?

Кощей достиг края твердыни. И остановился, как перед невидимой стеной. Не может шагу вперёд сделать — и всё тут! Клубится вокруг него злое облако, шипит змеями, но поделать ничего не может — заклятьё границ мира человеческого не пускает.

Обрадовался Царевич:

— Тебе меня не достать!

Разъярился тогда Кощей. Наставил на Ивана костлявый перст. Из корявого пальца посыпались молнии — одна другой злее. Твердыня загудела, недовольная. Напряглась. И вдруг все Кощеевы молнии полетели рикошетом к нему обратно. Злыдень пляшет, как на углях, едва успевает уворачиваться. А Царевич рад:

— Так тебе! Будешь знать! Как чужую бабу воровать! И в жабу обращать!

Пал тогда на колени проклятый Кощей.

— Забирай свою лягушку! Царевну! Отдай моё яйцо!.. Проси что хочешь!..

Точно! Яйцо! Иван с силой сжал скорлупу. Яйцо рассыпалось в прах. Не простое. Волшебное. В пригоршне у Царевича оказалась игла — острая, тонкая, злая.

Иван покачал иглой, рассматривая её. Кощей повело туда-сюда, будто браги перебрал.

— Нет тебе пощады, злодей, — решительно возвестил Иван. — Нет и не будет!

Взялся он за кончики иглы и выгнул её в дугу.

Хрясь!

ГЛАВА 1

СЕНЬКА УЗНАЁТ ПРО ТО, ЧЕГО НЕ БЫВАЕТ

— Хрясь! — и бабушка переломила пополам пластмассовую поварёшку, которой так удобно было наливать тесто на блинную сковороду. — Сломал Иван-царевич иглу! И не стало больше Кощея!

Бабушка отвернулась от плиты, воинственно сжимая части сломанной поварёшки в обеих руках. Она ждала от внука восхищения, изумления, или хоть какой-то реакции, соответствующей её драматичному рассказу. Но десятилетний Сенька сидел за столом, уткнувшись в телефон, и меланхолично жевал блинчики, обмакивая их то в сметану, то в малиновое варенье.

— БабЗин, ты зачем поварёшку сломала? — только и сказал он.

— Ничего, и так справлюсь.

Бабушка поставила перед внуком ещё одну порцию блинов с пылу с жару. А на плите, на двух сковородах, плюющихся маслом, жарились новые.

— ...Ты меня слушал вообще? Уткнулся в телефон, из рук не выпускаешь!

Сенька с трудом оторвался от телефона и наконец-то посмотрел на бабушку своими огромными небесно-голубыми глазами.

— Я не пятилетка! Чтобы в сказки верить.

БабЗина искренне возмутилась:

— Подумаешь, умник! Никто не знает, сказки это или на самом деле!

Сенька с сожалением пристроил на тарелке надкусанный блин.

— Хорошо. Когда это было? Кощей твой. И твердыня эта. В каком году?

Бабушка задумалась:

— Может, тыщу лет назад... Может, больше.

— Получается, 1022 год... Или около того. Ща загуглю...

Сенька снова погрузился в телефон, бубня себе под нос:

— ...Тут какой-то Генрих... и крестonosцы. Никакого Кощей нет... Во!

— Что? — встрепенулась Баба Зина.

— «Вики» говорит, что Кощей — сказочный персонаж. Ска-зоч-ный! Понимаешь? Нет его. И не было никогда.

БабЗина сердито отвернулась и загремела сковородами, снимая подоспевшие румяные блины. С трудом управляясь сломанной поварёшкой, она налила новые.

— Где-то у меня тут... половник спрятался. Им сподручнее будет...

Она потянулась к нижней кухонной дверце. Но вдруг охнула и схватилась за поясницу.

— Что ж такое! Вот незадача!

Сенька немедленно забыл про телефон и блины. Вскочил из-за стола, бросился к бабушке.

— БабЗин, давай помогу!

Та, морщась от боли, оперлась на плечо внука:

— Что-то у меня... спину прихватило. Надо по-
лежать немного... должно отпустить.

Шаркая и охая, еле переставляя ноги, Баба Зина доковыляла до дивана в гостиной. Сенька помог ей прилечь, укрыл тёплым пледом:

— Может, скорую вызывать?

Бабушка махнула рукой.

— Да ну! Не надо врачей! У меня мазь волшебная есть, всё как рукой снимет. Посмотри там... в серванте. В тубике. Синем.

Сенька, торопясь, распахнул дверцу серванта, вытащил коробку с лекарствами. Повозившись с минуту, он извлёк помятый тубик.

— Этот, БабЗин?

Бабушка приоткрыла глаза:

— Вот дурья башка! Хотела же новый купить!
И забыла.

Она в изнеможении откинулась на подушки. Сенька уже не скрывал своего беспокойства.

— Я сейчас! В аптеку сбегая! Я мигом!

— Сбегай, Сенечка! — проговорила бабушка слабым голосом. — Что-то сильно меня скрутило. Пошевелиться не могу. А мне только эта мазь помогает.

Сенька зажал в кулаке мятый тубик. Сунул в карман пару купюр. Метнулся на кухню за телефоном.

— ...Заодно и яблочек купи, — не сдавалась бабушка. — И муки. Завтра шарлотку соображу.

Сеня сдёрнул авоську с вешалки в прихожей.

— Ба, я быстро! Жди!

И выскочил за дверь.

Увы, ему не пришло в голову выключить плиту, на которой уже подгорали блины. Две сковороды, скворча и негодуя, плевались друг в друга раскалённым маслом и пускали к потолку облачка едкого дыма.

Едва за внуком захлопнулась дверь, Баба Зина позволила себе закрыть глаза... и отключилась.

Спина перестала болеть. Она вновь оказалась на бранном поле, где мчались друг за другом добрый молодец Иван-царевич и закованный в железные латы по самую макушку злобный Кощей.

...Сенька спешил изо всех сил. Он уже заскочил в аптеку и продуктовый магазин. В авоське болтались антоновские яблоки, килограммовый пакет муки и ярко-синий тюбик волшебной мази.

Чтобы сократить путь, Сеня свернул в торговые ряды. Здесь была толчея. Но зато он уже видел их с бабушкой дом — вот он, рукой подать! Осталось проскочить мимо прилавков с мёдом, творогом, сухофруктами, и, считай, уже на месте!

Сеня очень волновался за Бабу Зину. Она была главным человеком в его жизни. Постоянным. Родители Сеньки были разведчиками. Но не такими, которых показывали в кино, — с пистолетами, супермашинами и во фраках. А геологами. Они всё время были где-то далеко. На Севере. Или на Юге. В горах. Или в тайге. Когда они появлялись ненадолго, Сеня обожал слушать их рассказы про палаточные лагеря, суровую жизнь, слушать песни под гитару. Но они всё время либо только что приехали, либо собирались уезжать. Так что Сенька очень рано понял: если хочется обнять кого-то близкого, поделиться чем-то важным — это к бабушке. А родителям

можно только позвонить иногда. Куда-нибудь на край света.

Сейчас родителей не было. Сенька был за главного. И он прекрасно понимал: БабЗину надо выручать. Иначе им обоим будет худо.

Навстречу Сеньке вдруг выскочила какая-то странная тётка в зелёном плаще, в круглых, огромных солнечных очках. Из-под зелёного платка торчали зелёные паты. Хотя... кого сейчас зелёными волосами удивить?

Тётка запуталась рукой в его авоське.

— Извините... простите!

Он попытался обойти её справа. Потом слева. Но тётка непонятным образом снова оказывалась прямо перед ним, как будто играла.

Наконец, они разминулись. Сенька рванул к дому. Но вдруг ему показалось, что в авоське будто чего-то не хватает. И точно! Тюбик с волшебной мазью для Бабы Зины пропал! Сенька оглянулся.

Зелёная тётка — настоящая Кикимора болотная — была уже далеко. Но Сеня точно знал, что именно она забрала синий тюбик, который им с бабушкой был так необходим.

— Эй, стойте! — глупо закричал он. — Эээ... Женщина в зелёном! Погодите!

Кикимора оглянулась. Посмотрела на Сеньку. Улыбнулась, как оскалилась. И вдруг исчезла.

Сенька протёр глаза. Как это? Что за фокусы? Но тут снова мелькнул зелёный плащ Кикиморы. Метрах в десяти от того места, где она только что стояла. Сенька присмотрелся: тётка была босиком. Странно. Её ступни были такие же зелёные, как руки и волосы. Не обращая внимания на возгласы Сеньки, она прибирала

с прилавков всё, что плохо лежит: овощи, фрукты, всякую мелочёвку. Причём, воруя в одном месте, Кикимора тут же исчезала и появлялась в другом.

Сенька, торопясь, включил камеру телефона. Не разбирая дороги, бросился за Кикиморой, ловя её в объектив. Он понимал, что действует глупо — всё равно исчезновения и появления зелёной тётки все сочтут за фильтры и монтаж. Вот только если бабушка... Она поверит.

Точно! БабЗина! Мазь!

Сеня всерьёз разозлился. И погнался за Кикиморой с удвоенным рвением. Нужно было забрать у зелёной тётки мазь во что бы то ни стало! Тем более денег на другой тюбик у него не было.

Торговые ряды остались позади. Промелькнула и закончилась одна улица, потом другая. Прохожие попадались всё реже. Сенька и Кикимора оказались на окраине города. Впереди был лес.

Сеня понял вдруг, что здесь не сможет подобраться к Кикиморе ближе — она просто исчезнет. Что тогда делать? Чтобы не спугнуть зелёную тётку, он стал двигаться перебежками, держаться поодаль и в тени. Время от времени Кикимора оборачивалась и принюхивалась, будто чуяла слежку. Вот и сейчас она настороженно замерла по-звериному.

Он метнулся за дерево, прижался щекой к шершавому стволу. Переждал. Выглянул. Никого.

— О! Ты чё здесь? Прячешься? От кого? Видос снимаешь? Дай посмотреть!

Одноклассник Сеньки Никитос уставился на него в ожидании объяснений. Вместо слов Сенька сделал огромные глаза и многозначительно приложил палец

к губам: мол, молчи! Никитос закивал, предполагая интересное приключение... Но Сенька вдруг выскочил из-за дерева и рванул к лесу. Это было так неожиданно, что Никитос остался стоять на месте с открытым от удивления ртом.

Как заяц, Сенька петлял по опушке леса, крутя головой то вправо, то влево. Но Кикиморы и след простыл. Где же она? Получается, что в лесу.

Сенька решился. Оглянувшись на городские дома, выстроившиеся вдоль дороги. И свернул в тёмную сырую чащу.

Когда его глаза привыкли к неяркому лесному свету — оказалось, не так уж и темно, — впереди на тропе мелькнул знакомый зелёный плащ. Кикимора! Сенька прибавил шагу, почти побежал. Расстояние между ним и зелёной тёткой сокращалось.

— Ага! Попалась! — обрадовался Сенька.

Но зря.

Кикимора вдруг встала на четвереньки и, быстро-быстро перебирая руками и ногами, поползла в просвет между деревьями, в кусты, как будто в невидимую нору. На мгновение всё вокруг неё заискрилось чем-то похожим на электричество... И Кикимора растворилась в воздухе.

Не раздумывая, Сенька ринулся следом. И врезался со всей дури во что-то упругое, как пружинный матрас. Что-то гладкое. Холодное. Как будто резиновое. И невидимое. Его отбросило назад. Сенька повалился на землю, но тут же поднялся, потирая ушибленный бок. Осторожно, мелкими шажками, он двинулся вперёд, пока не наткнулся на невидимую преграду. Нащупав её справа и слева, Сенька обозначил границы, обошёл

кругом. Снова попытался пройти между деревьями. Ничего не вышло.

— Чё за прикол?

Тогда Сенька встал на четвереньки, так же как Кикимора. И пополз вперёд, в кусты.

Неожиданно рука проскользнула куда-то внутрь, за преграду. Вспыхнули искры, но не обожгли.

Сенька испугался, отдёрнул руку.

Тут бы ему развернуться и поспешить домой к Бабзине. Но... Вместо этого Сенька набрал побольше воздуха, как перед нырком в глубину. И двинулся вперёд. В искрящуюся невидимую нору.

Сначала просунул руки. Потом голову. Туловище. Ноги.

И исчез.

ГЛАВА 2

ВСЁ СТРАНЬШЕ И СТРАНЬШЕ

Никитос обиделся. Даже если у Сени была какая-то своя тайна, нечего было убегать, ни слова не говоря! Допустим, они не были большими друзьями, скорее, приятелями, но... Кто кому-то подсказывал на контрольной таблицу умножения? И занимал место в столовой? И звал поиграть в приставку? И заходил по дороге на фехтование? Не без корысти, правда, а в надежде на вкусные пирожки Бабы Зины.

Никитос решил потребовать объяснений. Хотя бы на правах одноклассника. Поэтому он воинственно поправил очки на носу. И двинулся вслед за Сенькой.

Таиться смысла не было. И вовсе не потому, что пара лишних килограммов и красная толстовка делали Никитоса довольно заметным. А потому что Сеня всё равно его не увидел бы. Он метался по опушке леса — то туда, то сюда. Как будто что-то потерял. И вдруг!.. Никитос пересёк улицу и бросился через поле к лесу. Туда, где буквально секунду назад пропал Сеня.

Подбежав к деревьям, Никита притормозил. Лес впереди казался тёмным, страшным, загадочным. Одно дело, когда про такое смотришь в кино или читаешь